

Анита глубоко вздохнула и шумно выдохнула. Она не хотела, чтобы кто-то знал правду, но понимала, что это необходимо.

- "Алисия — дочь моей сестры Омайи" - сказала она тихим голосом.

Нил замер. Кровная родственница. Хвала небесам. Хотя он чувствовал, как заработал его разум, обрабатывая эту информацию, он не стал ничего уточнять, позволяя ей продолжать в своем темпе.

" Нил, ты помнишь, когда мы впервые встретились? Это была последняя ночь, когда я встретила со своей сестрой..."

Ее лицо смягчилось при воспоминании о той ночи. Она была очарована им до такой степени, что забыла свою машину у университета. Её сестра так смеялась над этим... "Через день после нашей встречи Омайя сообщила, что уезжает из страны на международную студенческую конференцию. Поскольку она всегда была вовлечена в какую-то деятельность, я не задумалась на этом фактом и, немного надувшись, отпустила её. Но когда после этого она перестала выходить на связь, я начала беспокоиться. Я просила родителей узнать как дела у сестры, но они отказались, запретив мне искать её и расспрашивать о ней... Тогда я поняла, что что-то не так. Я позвонила в её школу, но и там отказались отвечать. В конце концов, я пошла к директору и поговорила с ней. Тогда я узнала, что мои родители без видимых причин забрали Омайю из учебного заведения и приказали не разглашать эту информацию. Я опрашивала её друзей по учёбе и всех, кого могла вспомнить, но никто не знал, куда исчезла моя сестра. Противостоять моим родителям было все равно, что биться головой о глухую стену".

Анита сделала паузу в своем рассказе. Слезы текли из ее глаз, когда она вспоминала те муки и смятение. Нил передал ей стакан воды, но ничего не сказал, предоставив возможность выговориться. Отпив глоток воды, она продолжила: "Примерно через четыре месяца мне позвонила сестра и попросила отвезти ее в страну С. Я была потрясена и сразу отправилась за ней. Оказалось, она была на позднем сроке беременности и жила в маленькой сырой квартирке. Омайя была на третьем месяце, когда родители узнали о её беременности. Именно они заточили сестру в этой комнате, когда она отказалась делать аборт. Они были настолько "хорошими родителями", что приказали ей жить там, пока она не согласится на отказ от ребёнка. Они бы помогли ей в трудной ситуации, если бы она согласилась отдать ребёнка на удочерение. Промозглая комната была для нее наказанием и напоминанием о последствиях, которые ждут её, если она пойдет против их желания. Поскольку Омайя была на последнем сроке беременности, я убедила её родить ребенка до отъезда из страны..."

Анита снова сделала паузу, но на этот раз ее голос дрожал, и она почти икала. Нил чувствовал ее боль и муки. Он понимал — то, что она скажет дальше, будет еще больнее.

Нил никогда не понимал, почему некоторые родители так подводят своих детей. Неужели общество и его устои были важнее их собственной плоти и крови? Покачивая головой над их тупостью и идиотизмом, он придвинулся к девушке и притянул к себе, крепко обняв и позволив выплакать всё, что накопилось.

Он вспомнил своих собственных родителей, которые всегда поддерживали своих детей. Даже когда они не соглашались. Руан Лонг не был дураком. Нил вспомнил, как в возрасте 15 лет он начал встречаться с той девушкой. Несмотря на то, что они были друзьями детства и стали возлюбленными, его отец довёл его до ручки. Он прочитал ему строгую лекцию, как будто был отцом девушки, но в конце концов дал понять, что будет рядом, если ничего не получится. К сожалению, когда все действительно не заладилось, отца уже не было в живых. Но даже тогда Рю был для него опорой.

Он посмотрел на Аниту, рыдания которой затихли, и погладил её по спине...

Когда Анита немного отошла от своего эмоционального всплеска, она осознала их шаткое положение и увидела, что на рубашке Нила появилось большое мокрое пятно от её слёз. Отодвинувшись назад, девушка почувствовала, что ее щеки разгорелись, и хриплым голосом сказала, — "Прости меня... Я не хотела... Просто... такие разговоры причиняют боль и заставляют меня заново переживать прошлое".

Нил достал пару салфеток со стола и, свернув их в клубок, вытер ей слезы, как будто помогал ребенку. Когда ее глаза высохли, он заставил девушку поднять взгляд, подставив палец под подбородок, и сказал: "Ты должна продолжить рассказ...".

Хотя его голос и глаза выражали сочувствие, он все еще находился в режиме холодного адвоката. Нил знал, что, если он сейчас не выжмет из неё всё информацию, потом заставить ее снова открыться будет еще труднее и больнее. Поэтому, хотя он хотел, чтобы она прекратила мучить себя и отдохнула, он заставил ее продолжать... Расковырять рану раз и навсегда было бы лучше всего.

Анита сделала паузу, чтобы успокоиться, а затем продолжила: "У Омайи были преждевременные роды, поэтому она была очень слаба после рождения ребенка. Эмоциональные переживания и гормональный дисбаланс сказались на ней, и она не могла ухаживать за ребенком. Поэтому я забрала ребёнка в квартиру, которую я сняла для них к тому времени, и ухаживала на нем (ребёнком). В течение следующих пяти дней мы ежедневно навещали Омайю, но она отказывалась даже смотреть на ребенка, не говоря уже о том, чтобы взять его на руки. Я начала волноваться, поэтому поговорила с психологом, занимающимся послеродовыми проблемами. Тот посоветовал на время оставить сестру в покое и не принуждать ни к чему. Если у нее простой послеродовой синдром, то он сам пройдет через некоторое время, если нет — тогда уже он будет назначать лечение. К тому времени семестр в университете подошел к концу, и вместо того, чтобы вернуться домой, я жила в маленькой квартирке с ребенком."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/29563/1591896>